

Когда проявляются тени
одноактная пьеса из монологов
(без действия)

Номинация: «Пьесы малого формата и экспериментальные тексты для театра».

Действующие лица:

Тень

Узник - бывший узник фашистского концлагеря

Инвалид – полностью или частично парализованный человек

Проповедник

Массовка: люди в белом и черном

Тень — оптическое явление при пересечении в пространстве света, тьмы и некоего объекта.

Пролог.

Мощное землетрясение продолжительностью несколько секунд. После этого наступает звенящая тишина. Постепенно освещаются завалы. Из них одна за одной выходят черные и белые фигуры, молча друг за другом расходятся в разные стороны и исчезают в темноте.

Появляется Тень.

Тень: Как все-таки поразительно устроена жизнь. Всего несколько мгновений назад эти камни были стенами домов, а стали надгробиями.

И от них самих, тех, кто жил в этих домах, в один момент не осталось ничего. Ничего, кроме имен. Впрочем, их имена тоже вскоре потускнеют, погаснут, а затем и вовсе сотрутся из памяти живых людей. Человек становится тенью, когда исчезает его имя.

Появляется Узник. Тень уходит в тень.

Узник: Человек становится тенью, когда исчезает его имя. Они отняли у меня имя, заменив его на номер и превратив меня в строку из списка. Вместе с именем стёрлись мои мечты, цели, надежды, профессия, положение в обществе — всё, с чем я себя отождествлял и думал, что это и есть я. Мой мир рухнул и я, точнее то, что я считал собой, оказался разрушенным вместе с ним. Единственное, что у меня еще оставалось — моя память, но и она постепенно истончалась и угасала; я стал забывать всё, что было до заключения. Я понял, что моя личность умирает, и умирает быстрее, чем тело. Отчаянно хотелось жить. И однажды пришла мысль: у меня нет имени, зато у меня есть номер. Пусть этот номер станет моим именем. Если не думать о значении слов, то они становятся всего лишь набором звуков, который, очистив от старого значения, можно наделить новым смыслом. Мы зависим порой от слов больше, чем необходимо. Если считать, что имя и тот, кто его носит — это одно и то же, то достаточно уничтожить имя, и человека не станет. Я успел спасти свою личность от гибели потому, что осознал это раньше, чем стал безымянной тенью.

Зачем я это делал, зачем сохранял себя? Ведь я был уверен, что никогда не покину концлагерь живым. Так не все ли равно, как доживать? Наверное, это была привычка.

Привычка осознавать себя до самого конца.

Я часто думаю о своих товарищах, о тех, кто не вернулся. Думаю о миллионах таких же, как я, прошедших через филиалы ада на Земле — концлагеря. И я спрашиваю себя — почему, почему они — мы - позволяли себя убить? Сами шли в крематории и газовые камеры, не сопротивляясь. Наверное, потому, что стоит отнять имя, память и надежду — личность человека разрушается. И он убьет себя сам или безропотно позволит это сделать, что, по большому счету, одно и то же, лишь бы покончить с мучительным существованием призрака. Тогда я совсем не думал об этом, но знал, что должен сохранить свою личность любым способом. Мне пришлось спрятать свое «я» под той частью личности, которая должна была пожертвовать собой, чтобы дать мне выжить.

Сколько раз хотелось броситься на колючую проволоку под высоким электрическим напряжением, которая разделяла жизнь и смерть, и покончить для себя с господствующим вокруг ужасом.

В детстве у меня перед домом росли тополя. Их было пять или шесть, уже и не вспомню точно. Могучие, с крепкими стволами и густой кроной, молчаливые свидетели истории нашей большой семьи. Вокруг этих тополей отец посадил еще саженцы. Помню, какие они были трогательно-хрупкие, я всегда боялся, что ветер сломает их, хотя они и были привязаны к колышкам. Однажды разыгралась страшная буря. Одни деревья вырывало с корнем, стволы других ломались, и многолетние великаны беспомощно валялись на землю. Я стоял у окна, наблюдая драму, происходящую на моих глазах, испытывая одновременно восхищение силой природы и благоговейный трепет перед этой силой вперемешку с ужасом. Еще один из тополей с треском надломился и рухнул бы на деревца-прутики, жавшиеся вокруг него, как дети, сломав некоторые из них при падении. Я даже вскрикнул от чрезвычайного волнения.

Но этого не произошло. Другой тополь, стоявший рядом, еще более старый и могучий, чем первый, словно подхватил своего падающего товарища, удержав его своей кроной. Они успели крепко сплестись густыми ветвями, будто руками, и надломленное дерево хотя и повисло над саженцами, но не завалилось на них.

Я вспоминал этот случай всякий раз в лагере смерти, когда горячая надежда сменялась глубочайшим отчаянием, и я окончательно был готов сломаться. Нужно было найти опору, удержаться, как тот тополь, не упасть, ломая при этом надежды других людей. Я ничего не знал о том, живы ли мои близкие, но именно это незнание оставляло веру в то, что моя жизнь еще кому-то нужна на этом свете. Неизвестность стала моей опорой.

Иногда меня спрашивают, не страдал ли я от одиночества, находясь в концлагере? В том мире, где моим именем стал номер, одиночество было благом. Ни у кого из нас не было ни минуты уединения. Возможность быть одному означает вероятность встречи со своим «я». А там, где целью является уничтожение личности, нет и личного пространства, нет одиночества.

Однако я помнил о том, что у меня есть имя, внутренняя опора и время. Время работало на меня. Даже там, где у меня отняли всё, я смог сохранить то, что помогло не обратиться в прах моему миру.

Узник скрывается. Появляется Тень.

Тень: Каждый отвечает за порученный ему мир, который рождается и растет вместе со своим обладателем. Сколько миров тихо угасло или было с грохотом взорвано по воле их временных владельцев — даже я, Тень, не могу сосчитать. Разве у них есть на это

право? Уничтожение своего мира лишает человека места в вечности, когда он покидает тленный мир.

Страдания без понимания их смысла смертельно опасны для миров. Сохранять мир даже тогда, когда он на грани гибели — это подвиг. Подвиг надежды.

Без надежды человек теряет волю к жизни.

Появляется Инвалид. Тень уходит в тень.

Инвалид: Говорят, что без надежды человек теряет волю к жизни. А я так скажу: от надежды больше вреда, чем пользы, поскольку она мешает оценивать свое положение беспристрастно. И тогда, когда надо бы смириться и принять свою судьбу, человек начинает надеяться на то, что она изменится. А когда надежда не сбывается, наступает разочарование и отчаяние, и это способно сломать желание жить.

Долгое время я спрашивал: «За что?» и не получал ответа, но постепенно понял, что должен задать вопрос: «Для чего?». Всё имеет свой смысл.

Надежда подтачивала меня изнутри постепенно, ведя сквозь душевную опустошенность к упадку духа. После этого я перестал нуждаться и в теле. Мне захотелось избавиться от него.

Когда-то я слышал, что тело — дом для души. Я не мог понять, какой смысл душе существовать в развалинах дома?

Теперь я это знаю.

Во мраке разрушенных зданий живут тени. Они заставляют нас видеть то, что мы не хотим замечать. Я долго смотрел в темноту. Привыкнув к ней, я начал различать тени. А потом заметил свет. Если есть тень, значит, рядом свет.

У каждого есть свое место в мире.

Моим местом стала кровать.

Я не мог покинуть не только место, отведенное мне судьбой, но даже этот мир, хотя я не хотел в нем быть. Всё, на что я имел право, это неподвижно лежать на кровати возле узкого окна с пыльными стеклами и смотреть на кусок забора — четыре некрашенные доски, вторая из них была немного длиннее других - да угол ветхого сарая, возле которого росла рябина.

Она была моим единственным другом.

Окружающие к тому времени уже считали мое место пустым.

Одиночество - тяжелое испытание для человека.

Я подружился с рябиной. Я говорил с ней, она отвечала тихим шелестом листьев или шумом ветвей, а иной раз застывала в задумчивости. Она была неподвижна, как и я, обреченная стоять на одном месте. Однако рябина менялась, росла, крепла. Летом она давала тень, и пташки частенько устраивали энергичную возню в ее кроне. Меня это порой забавляло. Когда же густая листва, меняя цвет с зеленого на желто-оранжевый, начинала осыпаться, попевали плотные гроздья пунцовых ягод и птицы продолжали прилетать к рябине до самой зимы. Потом рябина погружалась в сон, просыпаясь весной от птичьего гвалта.

Странная штука: хотя деревья всю жизнь стоят на одном месте, а птицы, наоборот, вольны в движении, но деревья и птицы созданы друг для друга.

Вероятно, смысл моего рождения в том, чтобы я смотрел на эту рябину.

Инвалид скрывается. Появляется Тень.

Тень: Жизнь гораздо больше того, что люди о ней представляют. К сожалению, человек создан для вечной жизни.

Появляется Проповедник. Тень уходит в тень.

Проповедник: Человек создан для вечной жизни. Почему мы так страдаем от встречи со смертью и даже от самой мысли о ней? Даже самые отважные и стойкие. Я думаю, объяснить это можно тем, что разлучение души и тела, - то, что мы называем смертью — это на самом деле противоестественно, и мы это чувствуем.

Как-то я шёл по весенней оживленной улице, и вдруг мне отчетливо представилось, что все эти люди вокруг— все они когда-нибудь умрут. Мне показалось, что я вижу мертвецов, которые еще не знают о том, что они мертвы. Помню, насколько жутко тогда мне стало.

И с тех пор мне не давала покоя мысль о том, что я конечен, у меня есть свой срок. Прошлое обнулилось, будущее свернулось в точку. Мучительное ощущение бессмысленности жизни преследовало меня и днем и ночью, не давая думать ни о чем другом. Сколько в ней трудностей и страданий, а конец один: глухой стук крышки гроба, как стук захлопнувшейся двери в мир. Страх парализует сознание и убивает надежду. Всё чаще мне казалось, будто я уже умер и смотрю на этот мир словно из-за колючей проволоки, разделяющей живых и мертвых. Так какой смысл терпеть, не лучше ли покончить раньше с бесполезным существованием и разом избавиться от всех неминуемых проблем?

Каждый приходит к Богу своим путем. Часто представляют, что это какой-то дивный путь познания, по которому человек отправляется по своей воле как в увлекательное путешествие в мир света и добра.

Я был найден Богом в вонючей канаве, тонущий в нечистотах.

До этого я никогда не думал о Боге, но в этот момент понял, что всегда искал встречи с Ним, сам не зная об этом. И для этого мне не надо ждать ухода из жизни. Он был рядом со мной, я чувствовал Его присутствие. Впрочем, я покинул этот мир, как и хотел. Но другой дорогой: я умер для греха. Умер духовно для этого мира раньше, чем он успел в буквальном смысле обратить меня в прах, моими же руками разрушив храм Духа на земле – тело мое. Я верю, что сохранивший свой храм до приглашения в бессмертие имеет новый дом — нерукотворный, нетленный, нерушимый. А разрушивший теряет здесь и не находит там, навеки погребая себя под завалами.

Проповедник скрывается. Появляется Тень.

Тень: Предлагаю почтить минутой молчания всех, оказавшихся на пересечении тьмы и света.

Звучит метроном.

Белые и черные фигуры расходятся из развалин после землетрясения.

Тень исчезает.

Конец.